

**О СТАТЬЕ Ю.Я. ВИНА «АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА В НАУЧНОМ
ТВОРЧЕСТВЕ Р. КОЗЕЛЛЕКА»**

В своей очень интересной статье о концептуальном подходе в научном творчестве Р. Козеллека автор обращается к анализу самого понятия «понятия», что само по себе является оригинальной идеей. Конкретно речь идёт о ключевом термине понятийной истории нем. понятии «Begriff», которое здесь отождествляется с понятиями «Konzept» (нем.) — «concept» (англ.) — «концепт» (русс.). Все эти понятия, по мнению автора, «воплощают собой идею «схватывания» сути явления». Причём отождествление нем. «Begriff» с «Konzept» ни в коей мере не является искусственным или надуманным. Автору удаётся убедительно показать, что Р. Козеллек не только использует в своих работах термин «Konzept», но он на практике обходится с некоторыми понятиями («Bildung», «Progress» или «Aufklärung») как с «концептами». Эти понятия принимают в теории Р. Козеллека характер сложных смысловых конструкций, т.е. «концептов». Кроме того, автор статьи исследует разнообразные оттенки нем. понятия «Begriff» как Leitbegriff, Grundbegriff, Zeitbegriff, Erwartungsbegriff, Bewegungsbegriff, Wissenschaftsbegriff, Ordnungsbegriff, Epochenbegriff и т.д. Каждое из этих выражений заслуживает особого внимания и может вполне стать объектом понятийного исследования. Но, прежде чем мы углубимся в сравнительный анализ понятий «Begriff» и «Konzept», я всё-таки предлагаю привести здесь их короткие дефиниции, взятые из немецких словарей.

Замечу вначале, что немецкое слово "Konzept" (от лат. *concipere* - постигать, понимать, ухватывать) не

является таким многозначным понятием как русское «концепт», а имеет, во всяком случае в повседневном немецком языке, довольно ограниченное значение, обозначая какой-то «общий план» или «программу». Автор статьи, кстати, тоже указывает на этот факт, подчёркивая, «что одно из основных значений немецкого понятия “Konzept” подразумевает, как было показано на примере изысканий Р. Козеллека, “программу” или “план”...». Добавлю к сказанному, что нем. “Konzept” очень близко по смыслу другому нем. Слову “Konzeption“. Последнее употребляется в том же смысле, что и «Konzept», но при этом представляет собой не просто «план», а, скорее, «детально разработанный план». А вот немецкое «Begriff» происходит от старонемецкого *begrif* или *begrifunge* и отождествляется, прежде всего, «значением» или «обозначением» – одним словом, «пониманием» чего-либо. Близкими ему по смыслу словами являются, *Bezeichnung* (обозначение), *Ausdruck* (выражение), *Terminus* (термин), а также *Vorstellung* (представление), *Auffassung* (взгляд), *Meinung* (мнение). Как и в русском языке «понятие», так и в нем. языке «Begriff» означает «быть понятым» (*begriffen sein*), т.е. быть усвоенным и охваченным. «Понятие» представляет собой семантическую единицу и отличается этим от «слова», которое является языковой единицей.

Надо сказать, что применение категории «концепт» к понятийной истории принесло с собой историку, без всякого сомнения, значительные познавательные **преимущества**. Ведь, исходя уже с одной только *методологической* точки зрения, категория «концепт» позволяет историку описать процесс развития понятий на самых различных теоретических уровнях и в самых различных междисциплинарных взаимосвязях, а также в самых различных временных эпохах, т.е. позволяет ему отразить понятийное развитие во всём его

многообразии и во всей его сложности. Достигнуть подобного можно только в рамках "Konzept-Geschichte". Последняя, однако, имеет и свои **недостатки**. Прежде всего "Konzept-Geschichte" лишена той *динамики* и *конкретности* развития, которая характерна для "Begriffs-Geschichte". В последней речь идёт преимущественно о «словах», «терминах», «выражениях» или «обозначениях».

В понятийной теории Р. Козеллека многие понятия, вследствие сложности их анализа, действительно являются или, точнее говоря, *становятся* в ходе их теоретического анализа настоящими историческими «концептами». Но здесь надо учитывать и тот факт, что, строя «концепты», Р. Козеллек никогда не отказывается от анализа простых «слов», «терминов» и «выражений». Более того, именно лингвистический анализ «слов», «терминов» и «выражений» позволяет ему *историзировать* и *конкретизировать* теоретические «концепты» и придать им вполне конкретную историческую форму. Тем более, что любое, даже самое сложное, понятие изначально являлось ничем иным как «словом», которое имело своё национальное происхождение, свою особую форму произношения / написания. История любого, даже самого абстрактного, понятия начиналась всегда как история «слова», корни которого лежали в вполне конкретной – или античной, или средневековой – эпохе. И, если бы Р. Козеллек перестал видеть в понятиях «слова», то тогда его понятийная история перестала бы быть "Begriffs-Geschichte", а стала бы исключительно "Konzept-Geschichte". Понятие "Begriff", в сравнении с «концепт», является более *динамичной* и более *историчной* категорией, которая в состоянии не только сохранять «исторические корни» понятий, но и постоянно возвращаться к ним. По существу, Р. Козеллек работает не с «концептами», а с «понятиями», которые у него имеют свои исторические корни и свои

конкретно-исторические формы выражения. Анализ любого понятия начинается у него с его языковой дефиниции. И, прежде чем приступить к *концептуальному* анализу какого-либо понятия, Р. Козеллек, как правило, вначале описывает его лингвистическую *предисторию*. По этой причине понятийный анализ Р. Козеллека носит явно выраженный *конкретно-исторический* характер. Но именно этой «конкретности» как раз-таки и лишена «Konzept-Geschichte», за которой, как правило, стоит не конкретная «символика» (конкретное «обозначение»), а общая «концепция», отражающая взаимосвязь мыслей как на межвременном, так и межнациональном уровне. «Концепты» вращаются в области не *эмпирического*, а, скорее, *социологического* или же *философского* знания. Они являются «модельными структурами», теоретический уровень которых, как правило, намного выше, чем уровень «простого» слова / термина / выражения. С другой стороны, удалённость «концепта» от конкретной истории проявляет себя намного сильнее, чем у «слов», «терминов» и «выражений», которые являются конкретной «символикой».

Далее. В анализируемой нами статье Ю.Я. Вина упоминается целый ряд лингвистов, критикующих понятийную концепцию Р. Козеллека. Я хотел бы назвать здесь ещё одного «лингвиста», который в “Begriffsgeschichte” Р. Козеллека видит ни что иное как «парадигму исторической семантики». Его имя Dietrich Busse. Во 2-ой главе своей книги «Историческая семантика», имеющей заголовок «Begriffsgeschichte als herrschendes Paradigma der historischen Semantik” (История понятий как господствующая парадигма исторической семантики), Busse указывает на следующую проблему как понятийной концепции Р. Козеллека, так и “Begriffsgeschichte” (понятийной

истории) в целом¹. В концепции Р. Козеллека, понятия имеют «двойную функцию», говорит Busse, потому что они у него являются как «индикаторами» (знаками / символами), так и реальными «факторами» исторических процессов. С точки зрения Р. Козеллека понятия не только «описывают», но они и сами «определяют» историческое развитие. И именно в этой «двойной функции» понятий скрывается, по сути, проблема «отношения понятия к действительности», которую понятийные историки решить не могут. Понятия содержат в себе проблему (взаимо)отношения «языковой» и «неязыковой» действительности, в которой изначально заключено противоречие (“Der Widerspruch ist offensichtlich”). Ведь невозможно, осознавая «двойственный характер» понятий, трактовать действительность, с одной стороны, как «сконструированную в сфере языка» и в тоже время видеть в ней «предязыковой ряд событий»². Подобный взгляд на понятия, как считает Busse, сбивает исследователя с толку. Но ещё более сложной, чем проблема отношения «слова» к «действительности», является проблема отношения «концепта» к ней. Вполне ясно, что автор статьи не мог заняться анализом *ещё* и этой проблемы, которая всех нас увела бы довольно далеко от исследуемой тематики. Но упомянуть наличие проблемы «двойной функции» понятий, я считаю необходимым.

И последнее: меязыковой анализ понятий имеет, несомненно, свои преимущества, потому что позволяет автору покинуть узкие национальные рамки понятийной истории и даёт ему возможность

¹ См. следующую ссылку: URL: http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/fileadmin/Redaktion/Institute/Germanistik/AbteilungI/Busse/Anmeldeformulare_Busse/Hist-Sem-2.pdf Dietrich Busse: Historische Semantik. Analyse eines Programms, Klett-Cotta, Stuttgart 1987 (дата обращения 15.06.2015).

² Busse, Dietrich. Указ. Соч. С. 51-52.

значительно расширить перспективу своего взгляда на неё. Но межнациональный подход приносит с собой, с другой стороны, и существенные трудности, ведущие к межкультурному непониманию. Продемонстрировать это я хотел бы на примере одного предложения, взятого из анализируемой нами статьи Ю.Я. Вина: «Словом, Р. Козеллек – выдающийся историк; он и его сподвижники стоят не только у истоков нового научного направления «истории понятий», но и концептологии в ее современном понимании...». Возможно, что российскому историку это предложение покажется вполне логичным и понятным: Но немецкому историку, я думаю, воспринять его будет нелегко, потому что немецкий историк не совсем понимает, что такое «концептология»³, откуда взялся этот термин и что он обозначает. То есть, тезис о том, что «концептология» является своего рода *продолжением* «понятийной истории» немецкому читателю не совсем не ясен – он ему «ничего не говорит». При этом речь здесь идёт вовсе не о том, правилен ли этот тезис или нет, а речь идёт о проблеме восприятия и понимания терминов / категорий / концептов, а также закономерностей их развития в различных «культурных пространствах». Такая проблема, несомненно, существует. И я здесь просто беспомощно регистрирую её существование.

В целом же статья Ю.Я. Вина является интересной и качественной работой. Её достоинство лежит в межкультурном подходе к понятийной истории, который, как мы в этом убедились, несёт с собой иногда

³ В своей книге «Russische Übersetzungswissenschaft an der Schwelle zum 21. Jahrhundert», которая была издана в 2013 г. Birgit Menzel и Irina Alekseeva (Hrsg.), на стр. 15 и далее анализируется русское понятие «концептология». Авторы пытаются объяснить нем. читателю специфику этого понятия. Фактом, однако, остаётся то, что здесь между немецкоязычным и русскоязычным читателем существует как бы «понятийная пропасть».

и определённые трудности понимания, но который в наше время является абсолютно необходимым. Мы более не в состоянии изучать историю понятий лишь в «национальных рамках», изолировав себя от других «культурных пространств».

Несмотря на мои замечания, автор анализируемой мной статьи, и это я хотел бы здесь особо подчеркнуть, имеет полное право на «своё мнение», т.е. право сохранить и опубликовать свой текст таким, какой он *есть*. Ведь преимущество понятийной истории в том-то и заключается, что она включает в себя бесконечное множество интерпретационных вариаций. И каждая вариация имеет «право на существование».